

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К83

Художественное оформление серии *С. Груздева*

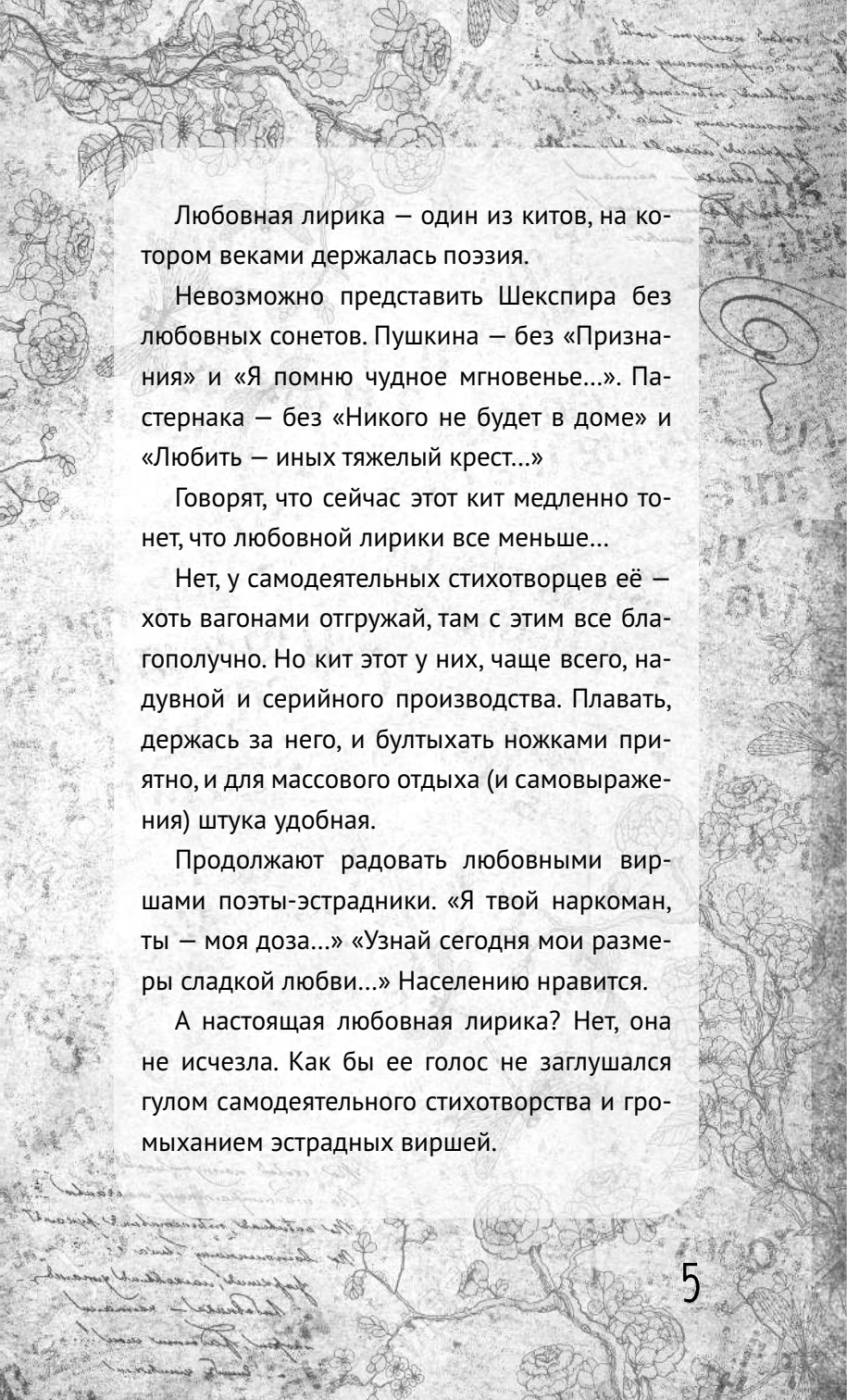
К83 **Кровь-любовь.** Современные поэты о любви. —
Москва : Эксмо, 2019. — 192 с.
ISBN 978-5-04-106032-9

В «Кровь-любовь» вошли стихи девяти крупных современных поэтов — разных поколений, работающих в разных поэтиках, живущих в разных городах и в разных странах... Объединяет их Любовь — *ars amatoria* — как тема создаваемых ими стихов. И любовь к высокому поэтическому ремеслу — *ars poetica*.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Ермакова И., 2019
© Павлова В., 2019
© Янышев С., 2019
© Элтанг Л., 2019
© Русс А., 2019
© Волков И., 2019
© Макаревская Л., 2019
© Кузнецова И., 2019
© Кабанов А., 2019
© Афлатуни С., составитель, 2019
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106032-9

The background of the page is a complex, monochromatic pattern. It features delicate line drawings of roses and other flowers, intertwined with faint, flowing cursive script that resembles handwritten text. The overall aesthetic is artistic and textured, with a mix of organic and calligraphic elements.

Любовная лирика – один из китов, на котором веками держалась поэзия.

Невозможно представить Шекспира без любовных сонетов. Пушкина – без «Признания» и «Я помню чудное мгновенье...». Пастернака – без «Никого не будет в доме» и «Любить – иных тяжелый крест...»

Говорят, что сейчас этот кит медленно тонет, что любовной лирики все меньше...

Нет, у самодеятельных стихотворцев её – хоть вагонами отгружай, там с этим все благополучно. Но кит этот у них, чаще всего, надувной и серийного производства. Плавать, держась за него, и бултыхать ножками приятно, и для массового отдыха (и самовыражения) штука удобная.

Продолжают радовать любовными виршами поэты-эстрадники. «Я твой наркоман, ты – моя доза...» «Узнай сегодня мои размеры сладкой любви...» Населению нравится.

А настоящая любовная лирика? Нет, она не исчезла. Как бы ее голос не заглушался гулом самодеятельного стихотворства и грохотом эстрадных виршей.

«Кровь-любовь» – сборник именно такой лирики.

«кровь-любовь», – так нельзя рифмовать, но прожить еще можно...

– пишет один из его авторов, Александр Кабанов.

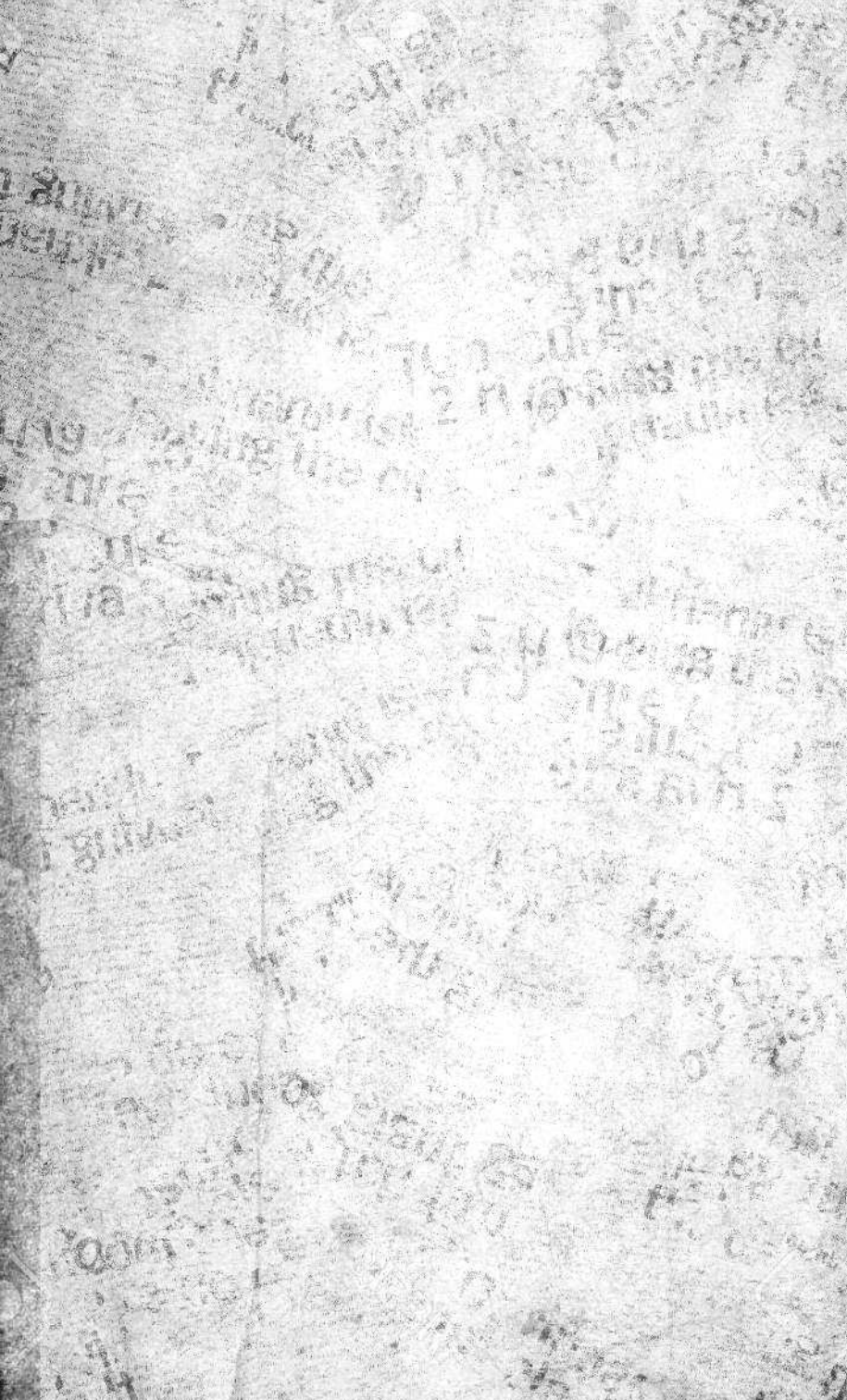
Да, рифмовать «любовь» с «кровью» уже нельзя: избитая рифма. Но сопряженность Любви, Эроса, с жизнью и смертью из поэзии никуда не ушла. «Эрос Танатосу говорит...» – проходит рефреном в стихотворении другого автора сборника, Ирины Ермаковой. Эрос вступает в поединок с Танатосом. И побеждает его.

В «Кровь-любовь» вошли стихи девяти крупных современных поэтов – разных поколений, работающих в разных поэтиках, живущих в разных городах и в разных странах... Объединяет их Любовь – *ars amatoria* – как тема создаваемых ими стихов. И любовь к высокому поэтическому ремеслу, *ars poetica*.

С.А.

ИРИНА ЕРМАКОВА

* * *

он так меня любил
и эдак тоже
но было всё равно на так похоже

похоже так чтоб раззвонить про это
шнур намотать на середину света
бикфордо-телефонный и поджечь
и лишнюю америку отсечь

пусть катится и плавает вдали
раз так любил а не умел иначе
пусть с трубкою своей стоит и плачет
на половинке взорванной земли

Люба

Богородица глянет строго:

сопли утри!

Ты — любовь.

Царство твое внутри.

Чем валяться ничком,

кричать целый день молчком,

лучше уж тарелки об стенку бить —
верное дело.

И тарелка уже поет,

кружась волчком,

и сама взлетает,

нож воткнулся в стол,

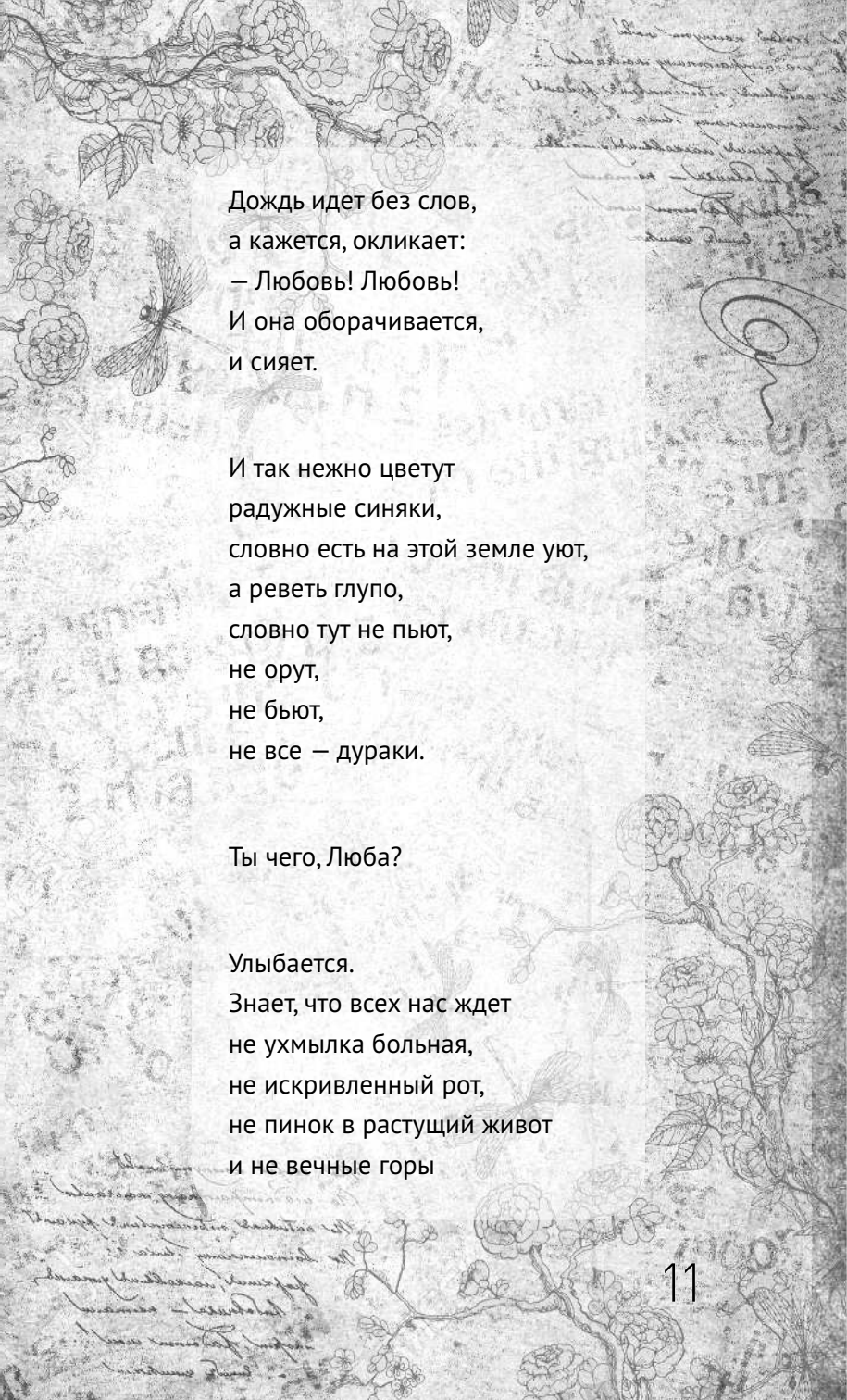
начинает дрожать, звенит,

дождь за шторой пошел,

набирает силу, гремит.

И она слушает

ошалело.

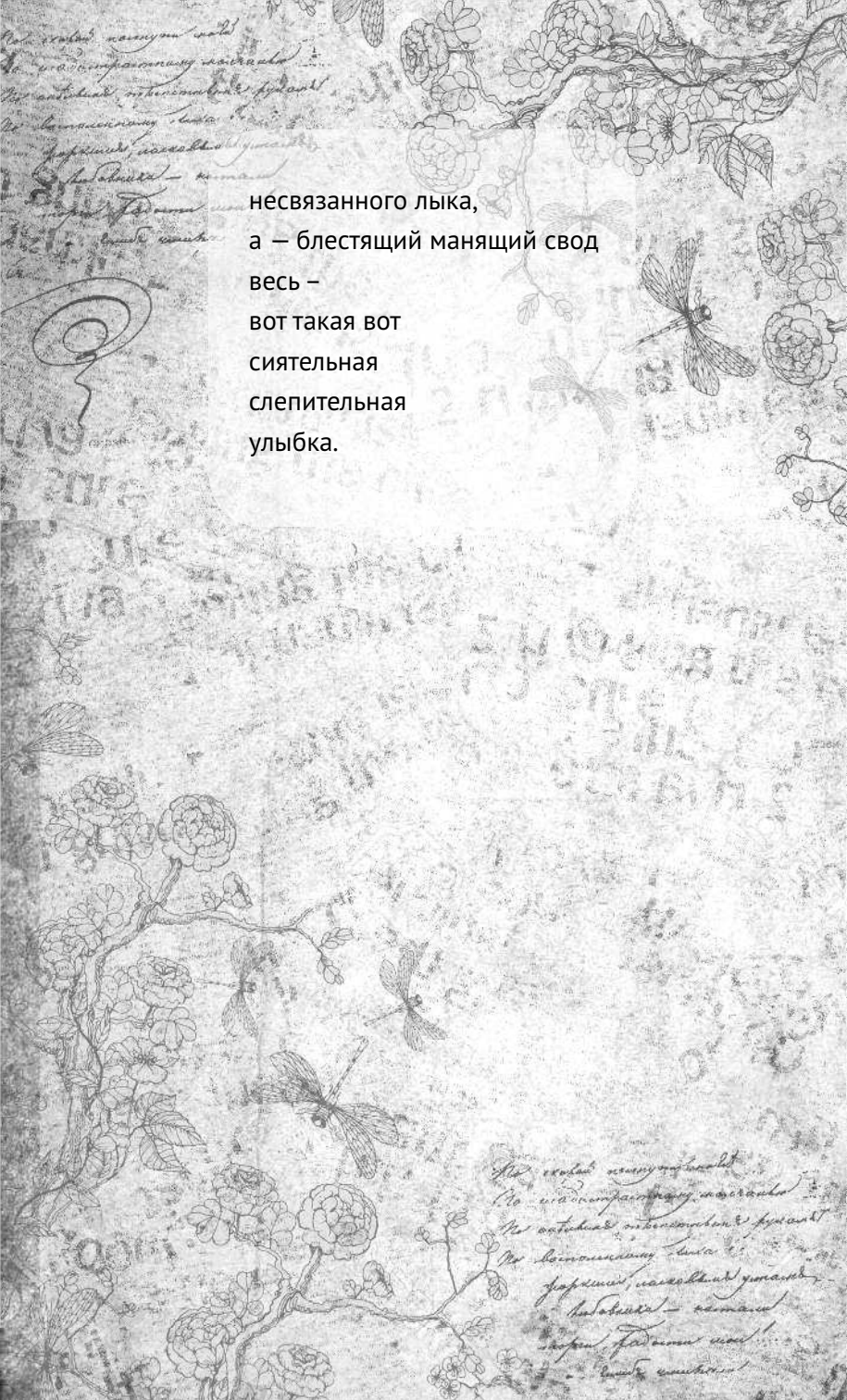

Дождь идет без слов,
а кажется, окликает:
– Любовь! Любовь!
И она оборачивается,
и сияет.

И так нежно цветут
радужные синяки,
словно есть на этой земле уют,
а реветь глупо,
словно тут не пьют,
не орут,
не бьют,
не все – дураки.

Ты чего, Люба?

Улыбается.
Знает, что всех нас ждет
не ухмылка большая,
не искривленный рот,
не пинок в растущий живот
и не вечные горы

несвязанного лыка,
а – блестящий манящий свод
весь –
вот такая вот
сиятельная
слепительная
улыбка.

* * *

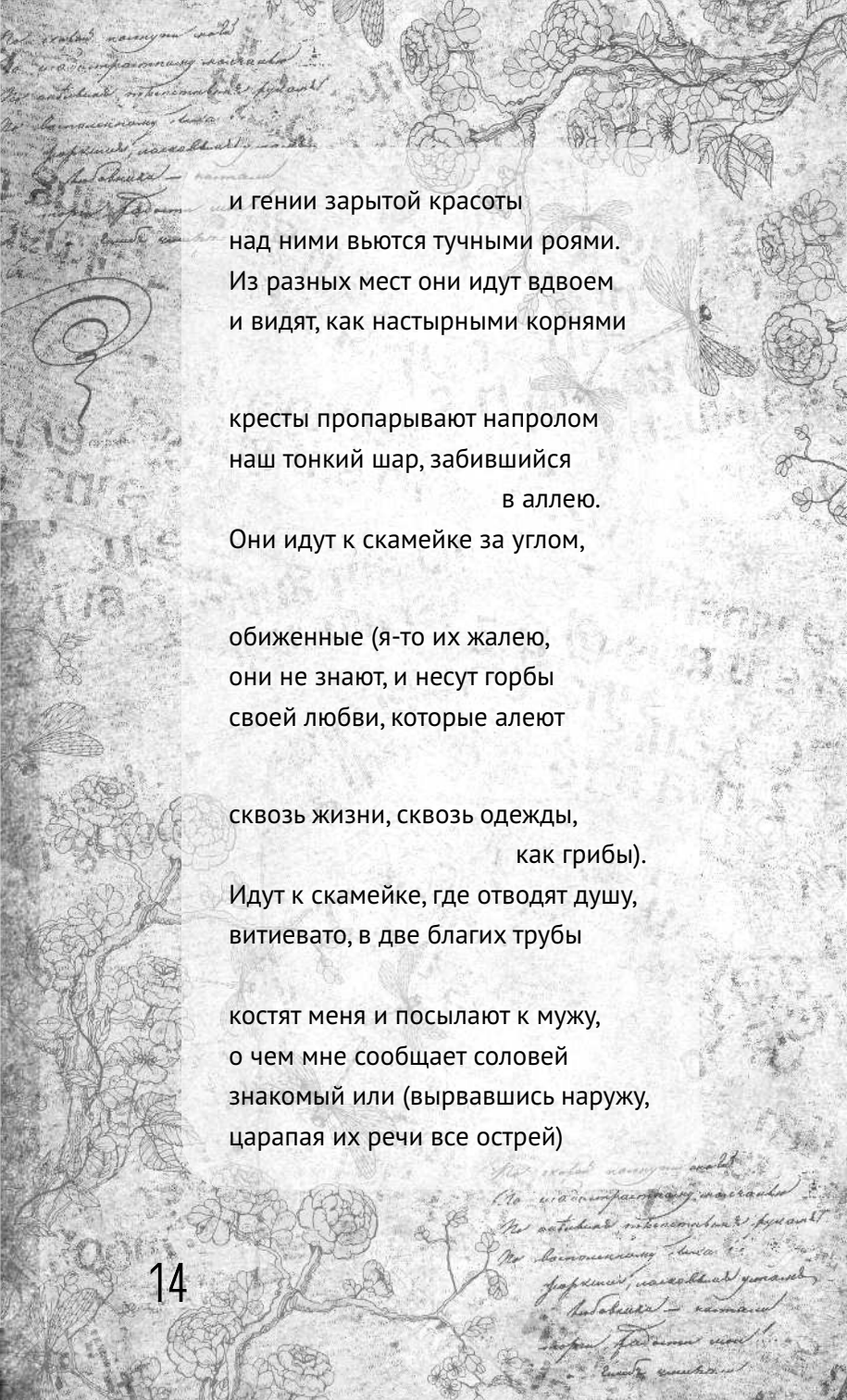
Когда за мной ухаживали разом
полковник Соловьев и мэтр Розов,
таскали мне одни и те же розы
и заливались общим соловьем,

что не к лицу стареющей невесте
обоих слать в одно и то же место,
тогда я врозь отправила их честно,
и вот они ушли туда живьем.

А там живому — понимаешь сам,
там — сущий сад, серьезные аллеи,
о, там высокопарны небеса!

Обломанные на венцы, алеют,
пятнают вид терновые кусты...
Я в сумерки посланников жалею:

переступив бумажные цветы,
идут, следя распахнутые ямы,

и гении зарытой красоты
над ними выются тучными роями.
Из разных мест они идут вдвоем
и видят, как настырными корнями

кресты пропаривают напролом
наш тонкий шар, забившийся
в аллею.

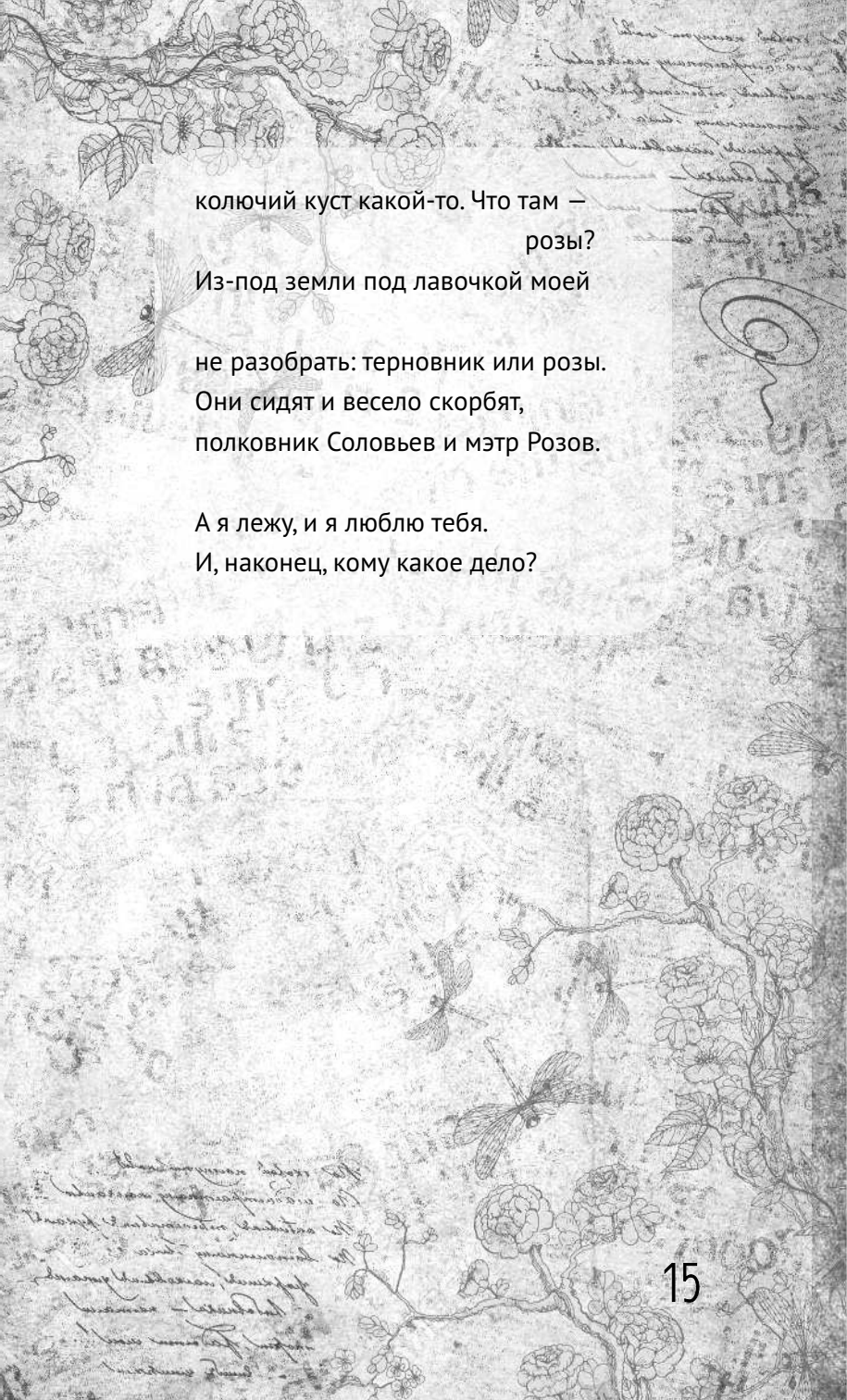
Они идут к скамейке за углом,

обиженные (я-то их жалею,
они не знают, и несут горбы
своей любви, которые алеют

сквозь жизни, сквозь одежды,
как грибы).

Идут к скамейке, где отводят душу,
витиевато, в две благих трубы

костят меня и посылают к мужу,
о чем мне сообщает соловей
знакомый или (вырвавшись наружу,
царапая их речи все острее)

колючий куст какой-то. Что там —
розы?

Из-под земли под лавочкой моей
не разобрать: терновник или розы.
Они сидят и весело скорбят,
полковник Соловьев и мэтр Розов.

А я лежу, и я люблю тебя.
И, наконец, кому какое дело?